

НИЖЕГОРОДСКИЙ ВАРИАНТ ДУХОВНОГО СТИХА О ФЕДОРЕ ТИРОНЕ¹

Духовный стих о Федоре Тироне в русской фольклорной традиции сравнительно редкий, поэтому особую значимость приобретает введение в научный оборот каждого вновь найденного текста. Публикуя новые варианты некоторых сюжетов («Борис и Глеб», «Егорий»), В.А. Бахтина заметила: «Дополнительную ценность имеют сами тексты, представляющие варианты так называемого классического духовного стиха, достаточно редкого в настоящее время в фольклорной культуре» [Бахтина 1997, 154]. То же можно сказать и о «Федоре Тироне», потому что этот сюжет принадлежит к числу классических – «старших», былевых, к тому же представляемая запись его сделана в «небылинной» зоне – Арзамасском у. Нижегородской губ.

Текст найден в 1875 г. А.В. Карповым, который, обучаясь в Нижегородской классической гимназии, под влиянием известного краеведа-этнографа А.С. Галицкого увлекся народным творчеством и собрал у себя на родине в с. Кириловка и близлежащих селениях Арзамасского у., а также в Семёновском у., куда, вероятно, выезжал для изучения народных промыслов, свыше 500 песен [Потявин 1960, 405–413]. Как писал В.М. Потявин, обнаруживший в 50-е гг. прошлого века его собрание в Государственном архиве Горьковской обл. [ГАГО (ныне ЦАНО), ф. 766, оп. 598, ед. хр. 1, 2], «... этот труд, если бы он был в свое время опубликован, доставил бы ему почетное место не только в нашем краеведении, но и в истории русской фольклористики» [Потявин 1960, 405]. Такая высокая оценка объясняется тем, что А.В. Карпов в отличие от многих своих современников подходил к записи текстов не выборочно, а стремился зафиксировать весь песенный репертуар. В его собрании есть календарно-обрядовая поэзия, песни свадебные, хороводные с описанием их исполнения и более или менее полным этнографическим контекстом, исторические, традиционные лири-

ческие и песни литературного происхождения, городские («мещанские») романсы, баллады, похоронные причитания («заплачки»), детский фольклор и др.

В архиве А.В. Карпова есть и тексты духовных стихов. Если песенный репертуар представлен собирателем достаточно исчерпывающе, то записи стихов, возможно, сделаны выборочно или случайно, поэтому их в собрании мало – всего три: «Адская газета» (у Карпова «Адские газеты») с подзаголовком «Рассказ»), «Потоп» и «Федор Тирон» (у Карпова – «Федор Хиринец»). Два последних образуют раздел, озаглавленный «Духовные стихи». Стих «Адские газеты» был записан Карповым в с. Кириловка от «холостого парня» Захара Ивановича Венедиктова², другие два – в с. Абрамово³ от Прасковьи Пименовой. Собиратель нигде не указывал конфессиональную принадлежность исполнителей, но можно предположить, что информанты были старообрядцами, так как и «Адская газета», и «Потоп» в XIX в. бытовали именно в раскольничьей среде, к тому же известно, что в Арзамасе и округе старообрядцы проживали.

Стих «Федор Тирон» недавно вновь привлек к себе внимание ученых [Коробова 2002; Бахтина 2002]. В.А. Бахтина посвятила ему специальное исследование. Рассмотрев варианты, она сделала вывод о том, что в стихе как наследие книжного источника сохраняется хронотоп, имя героя, система персонажей (царь, Тирон, матушка, конь, змей, небесные силы) и последовательность эпизодов, оформляющих змееборческий мотив: «1. ... Матушка Федора ведет поить коня; 2. Похищение матушки змеем; 3. Сообщение Федору об этом; 4. Сборы его в путь; 5. Борьба со змеем <...>; 6. Освобождение матери; 7. Сообщение о празднике в честь святого в первую неделю Великого поста» [Бахтина 2002, 337]. Еще учеными XIX в. было отмечено, что стих о Федоре Тироне возник на стыке двух традиций – агнографической (апокриф) и былинной – и поэто-

² В примечании к тексту указывается и на письменное бытование стиха: «У крестьянина с. Кириловка Михаила Прикащикова "Адские газеты" списаны в тетрадку».

³ В одном из очерков А.В. Карпов отмечал консервативность фольклорной традиции в с. Абрамово, от жительницы которого он записал духовный стих о Федоре Хиринце: «Старинные песни, игры, обычаи – всё это, так быстро забываемое в других местах, в Абрамове упорно сохраняется, несмотря на то что абрамовцев обвиняют в мордовстве» [Карпов 1880, 499].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта для аспирантов Федерального агентства по образованию (№ А 04-1.6-356).

му имеет с ними общие мотивы и эпизоды. В.А. Бахтина верно подметила: кроме этих двух традиций в стихе встречаются и сказочные мотивы (изображение змея как сказочного существа, переезд Тирона через море на спине рыбы Кит / Кетр / Тит [Бессонов, №№ 121–125]) [Бахтина 2002, 342]. Опираясь на эти наблюдения, рассмотрим особенности нижегородского варианта.

Его можно отнести к той группе вариантов, которую В.А. Бахтина выделили как «полную редакцию» стиха [Бахтина 2002, 336], содержащую две сюжетные ситуации: сражение героя с иноземным войском и освобождение матери от змея (змееборство). В этом отношении он сближается с вариантами из Московской [Бессонов, № 122], Рязанской [Бессонов, № 124] и Смоленской [Бессонов, № 125; Якушкин, № 15] губ. В то же время в публикуемом тексте имеются существенные отличия: они касаются состава сюжетных эпизодов (некоторые опущены), системы персонажей, идейной направленности и стиля. Можно говорить, что в нем стертые некоторые черты, роднящие стих с апокрифом. Во-первых, частично изменен хронотоп: в стихе нет названия города, тогда как в других вариантах это Ерусалим [Бессонов, № 122], Иерусалимов [Бессонов, № 124], Русалим [Бессонов, арх. 2] и т.п.; в нижегородском варианте остается только противопоставление своей «православной» земли и чужой «бусурманской». Во-вторых, к изменению пространственно-временных ассоциаций ведет также появление нового имени, возникшего явно в результате искажения исконного (Тирон-Хирон-Хиринец)⁴. Исчезновение упоминания об исторических реалиях отрывает персонаж стиха от святого как героя христианской истории, поэтому логически оправдано выпадение обычной концовки, встречающейся во многих вариантах [Бессонов, №№ 122, 124, 125; Якушкин, № 15], об установлении праздника в его честь (первая неделя Великого поста). Нужно отметить, что такая концовка не встречается в так называемой «краткой редакции», в большей степени отстоящей от сюжета апокрифа. В-третьих, в нижегородском варианте сокращен ряд святых помощников Хиринца. Если обычно перечисляются Троица, Спас, Богородица, вся сила небесная и Евангелие:

⁴ Хиринец, возможно, воспринимается как прозвище, происходящее от названия местности, ср.: Муромец. Заметим, что недалеко от места записи стиха имеется с. Хирино.

*Я надеюсь, сударь батюшка,
На Spаса на пречистого,
На Мать Божью Богородицу,
На всю силу небесную,
На книгу Ивaнгилья
[Бессонов, № 124], –*

то здесь называется лишь священная книга Евангелие.

Ослаблено и былинное начало, причем изменения здесь значительнее, чем в апокрифическом слое. В нижегородском тексте произошла некоторая дегероизация главного персонажа – Федора Хиринца. В большинстве вариантов стиха героический характер Тирона раскрывается уже в том, что он сам добровольно вызывается спасти город от захватчиков:

*Государь родимый батюшко <...>
Я пойду, побью царя иудейского,
Его силу жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Я очисти землю святу русскую
– [Якушкин, № 15].*

Героизацию усиливает упоминание о возрасте Федора – ему 12 лет (как былинному герою-малолетке). В нижегородском варианте инициатива спасти город не принадлежит Федору Хиринцу. Участь спасителя достается ему по жребию, более того – он сам предлагает метать жребий, чтобы выбрать защитника:

*Объявлял он православным всем:
«Ох, вы люди, православный мир!
Вы сбивайте сходы вотчинны,
Давайте метать все жеребей,
Кому идти супротив силы...».*

После того как жребий вытянут, Федор Хиринец возвращается домой, «припечалимишь, прикручимишишь; / Повесил свою буйну головушку / На праву сторонушку...» – как в волшебных сказках, где герою достается задание, непосильное для человека и выполняемое, как правило, с помощью волшебного предмета или волшебного помощника, дарителя.

В нижегородском варианте нет описания ратных подвигов Федора. В первой сюжетной части говорится о том, что «стоит в поле силы жидовская, / Басурманская и сметы нет», но побивает эту силу «добрый конь» Хиринца. Сам же он взял «в руки книгу Евангельску / И читал он ее двенадцать ден / И двенадцать ночей» (в других вариантах он «бился-рубился двенадцать суток, / Не пиваючи, не едаючи, / Со добра коня не слезаючи» [Бессонов, № 122]). Произошло как бы перераспреде-

ние функций персонажей: героический поступок сохранен, но приписан коню, а Федору Хиринцу осталось смирение, вера в Божью силу.

В нижегородском варианте также изменены детали, касающиеся характеристики битвы: обычно сеча так велика, что кровь топит коня и Тирона-богатыря: кровь «добру коню по гриву, / А добру молодцу по шелков пояс» или «по колена и по пояс, / По его груди белыя» [Бессонов, №№ 122, 124]). Федору приходится просить Мать-сыру землю, чтобы она расступилась и приняла «кровь басурманску». В тексте Карпова кровь только «добру коню по черевушки, / А добру молодцу по каленочки», а просьбы, обращенной к Матери-сырой земле, нет вообще.

Второй подвиг Федора – победа над змеем и освобождение матери – также дается в упрощенном виде: сохраняется обычный для сюжета состав эпизодов (похищение матери Хиринца, сообщение Федору об этом, переправа Хиринца через море и освобождение матушки), но выпадает самый важный в данной части сюжета эпизод – змеборство. Федор Хиринец лишь читает Евангелие, потом идет по морю, «яко по суху», и, не прилагая никаких усилий, уводит мать.

*И стал читать об матушке.
И пошел он по Синю-мору,
Ровно по суху;
И нашёл он свою матушку
У лота змея в горах:
Сосут ее груди лоты змеи.
И взял он её на головушку,
И вынес на крут бережок...*

Ср.:

*Как увидел его лютый змей
Из пещер белых каменных,
Налетел на него лютый змей:
Уж и бился с ним Федор Тыринов
Три дня, три ночи, трое суток;
Размахнулся Федор Тыринов,
Он смахнул ему головы
Об двенадцати хоботах,
Он убил его до смерти. <...>
Посадил Федор Тыринов
Да свою родную матушку
На головку, на темячко;
Он понёс свою матушку
Через те лёсы тёмные,
Через те горы крутые,
Через те моря синия,
Моря синия, бездонныя...
[Бессонов, № 123].*

Умаление подвига привело к переосмыслению финального фрагмента – сопоставления деяний Федора и мук матери при рождении сына. Если обычно мать признает подвиги сына выше ее мук, то здесь она отвечает:

*Милый мой сыночек, Федор Хиринец!
Твое-то похождение еще только
Супротив моего ношеньца.*

Подобное находим в одном из вариантов, опубликованных Бессоновым: «Не будет твое похождение / Супротив моего рождения» [Бессонов, № 121].

В нижегородском варианте почти исчез образ отца. Обычно в вариантах отец – царь города и от него исходит клич постоять «за всю веру хрещёную, / За Мать Божью Богородицу», он отправляет сына на битву и он же его встречает. В тексте Карпова отец упоминается лишь дважды: перед битвой (где он не называется, а скорее подразумевается, поскольку благословление дается от лица родителей: «благословили ону его») и после сражения («поехал же Федор Хиринец / Ко своему отцу во свой город» (выделено нами. – К.К., Н.Х.)). Образ матери, наоборот, приобрел большую роль: стал более ярким, выпуклым, в структуре текста сквозным, скрепляющим обе сюжетные части. В первой – Хиринец отправляется к матери со своими печальями, вытянув жребий, и, поскольку об отце в зачине стиха не говорится, благословение принимается от нее. Встречает его после первой победы тоже мать, а не отец. Поэтому концовка стиха звучит логичнее.

Отсутствие ряда эпизодов придает сюжету некоторую фрагментарность, в то же время не делает вариант художественно ущербным. Он по-своему целостен, но в отличие от большинства текстов здесь не столько возвеличен подвиг Хиринца, сколько подчеркнута роль священной книги. Может быть, стоит говорить об особой нижегородской *версии* стиха, т.е. об особой трактовке сюжета.

Нижегородский вариант существовал в среде, где носители народной культуры не были знакомы с былинной традицией. Изменению в связи с этим подверглась былинная стилистика: в стихе отсутствуют общие былинные места – например, нет описания пира. Сохранены лишь некоторые формулы, характерные также и для других жанров («идет... / Дамой припечалимишь, / Припечалимишь, прикручинимишь; / Повесил свою буйну головушку / На праву сторонушку»; «Пьет он, ест проклажаючи, / За собой дела не знаючи» и

др.). В то же время стих остается нерифмованным, в нем частично сохраняется былинное цепочное строение строк: подхват последнего слова в предыдущей строке и повтор его в следующей. Ср.:

...кленова стрела,
Восстрéлила в праву ручушку,
В праву ручушку, в леву ноженьку.

...стоял он в крови жидовскаю
Двенадцать суток не пиваючи,
Не пиваючи, не едаючи...

В 1960 – 61 гг. Горьковским университетом была проведена экспедиция «По следам А.В. Карпова» (под руководством В.М. Потявина). К сожалению, в программу ее не были включены вопросы, связанные с поиском религиозной поэзии [Потявин 1961]. Может быть, поэтому новые тексты «Федора Хиринца» не были обнаружены и текст Карпова остался единственным нижегородским вариантом этого стиха.

ФЕДОР ХИРИНЕЦ

Стоял же Федор Хиринец,
Стоял же у Заутрени;
И упала с небес кленова стрела,
Восстрéлила в праву ручушку,
⁵ В праву ручушку, в леву ноженьку.
Выходил же Федор Хиринец,
Объявлял он православным всем:
– Ох, вы люди, православный мир!
Вы сбивайте сходы вотчинны,
¹⁰ Давайте метать все жеребей,
Кому идти супротив силы,
Супротив силы жидовскаю,
Жидовскаю, басурманскаю. –
Выходили все люди православные,
¹⁵ Метали они жеребей,
Кому идти супротив силы;
И досталось же Федору Хирину.
И идет Федор Хиринец
Домой припечалившись,
²⁰ Припечалившись, прикручинившись;
Повесил свою буйну головушку
На праву сторонушку...
Увидела и узрела
Сударыня его матушка
²⁵ Из высокого, нова терема:
– Ох ты гой еси, мое дитятко!
Чтó ты идешь больно припечалившись,
Припечалившись, прикручинившись;
Повесил свою буйную головушку
³⁰ На праву сторонушку? –
– Сударыня, моя матушка!
Как-то мне не кручиниться!
Досталось мне идти
Супротив силы жидовскаю,

³⁵ Жидовскаю, бусурманскаю.
Давайте мне книгу Евангельску,
Давайте мне копьё не тыкано,
Давайте мне седло не сижено,
Давайте мне коня не пытана!
⁴⁰ Благословите меня в путь дороженьку. –
И благословили они его
Своим благословением родительским.
И поехал же Федор Хиринец
Посмотреть силу жидовскую.
⁴⁵ И выехал же Федор Хиринец
Во чисто поле;
И стоит в поле силы жидовскаю,
Басурманскаю и сметы нет.
И взял он в руки книгу Евангельску,
⁵⁰ И читал он ее двенадцать ден
И двенадцать ночей.
И погубил силы жидовскаю
Его добрый конь и сметы нет.
И стоял он в крови жидовскаю
⁵⁵ Двенадцать суток не пиваючи,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра-коня не слезаючи.
И стоит он в крови жидовскаю
Добру коню по черевушки,
⁶⁰ А добру молодцу по коленочки,
И поехал же Федор Хиринец
Ко своему отцу, во свой город.
Увидала и узрела
Сударыня его матушка:
⁶⁵ – Ох, вы люди, православный мир!
Сбивайте вы сходы вотчинные,
Звоните в большой колокол,
Встречайте мое дитятко:
Вон едет мое дитятко,
⁷⁰ Вон едет мое милое! –
Подъезжал же Федор Хиринец
К своему двору широкому;
Слезал же он с добра коня.
Привязал он своего добра коня
⁷⁵ Ко столбу точёному,
К кольцу полужоному.
Всходил он во свой домик,
И пьет он, ест проклажаючи,
За собой дела не знаючи...
⁸⁰ Увидала его матушка
Добра коня привязана,
Повела поить на Сине-море.
Где ни взялся змей двенадцати-главный,
Утащил его матушку во свои горы.
⁸⁵ И увидела женщина,
Что сгублена его матушка,
Пришла она к Федору Хирину:
– Ох, ты гой еси, Федор Хиринец!
Чтó ты пьешь, ешь, проклажаючись,
⁹⁰ За собой дела не знаючи?
Сударыня твоя матушка
Пожалела твоего коня доброго,
Повела поить на Сине-море, –
Утащил ее лютый змей.

⁹⁵ И бросился же Федор Хиринец
За сударыней своей матушкой;
И взял он книгу Евангельску.
Пришел на Сине-море,
Раскрыл книгу Евангельску;

¹⁰⁰ И стал читать об матушке.

И пошел он по Синю-морю,
Ровно по суху;
И нашел он свою матушку
У люта змея в горах:

¹⁰⁵ Сосут ее груди люты змеи.

И взял он ее на головушку,
И вынес на крут бережок:

– Сударыня, моя матушка!
Будет ли мое похождение!

¹¹⁰ Супротив твоего порожденьца? –

– Милый мой сыночек, Федор Хиринец!

Твое-то похождение еще только

Супротив моего ношеньца. –

И пал он к ней на коленочки:

¹¹⁵ – Сударыня, моя матушка!

Поставь мое малое за великое!

Литература

Бахтина 1997 – Бахтина В.А. Духовный стих в материалах экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926 – 1928 гг.) // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. мат. науч.-практ. конф. М., 1997. Вып. 1. С. 154–166.

Бахтина 2002 – Бахтина В.А. Федор Тирон в письменно-устной традиции и иконографии // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Междунар. съезд славистов (Люблина, август 2003 г.). Доклады рос. делегации. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 336–350.

Карпов 1880 – Карпов А.В. Кустарные промыслы в Арзамасском уезде // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности. 1880. Вып. VI, отд. 2.

Коробова 2002 – Коробова А.В. «Он поёт стихи херувимские, превозносит гласы архангельские...». Святые воины духовных стихов: Федор Тирянин (Федор Тирон) и Егорий Храбрый (Георгий Победоносец) // <http://religion.russ.ru/authors/korobova.html> (2002).

Потявин 1960 – Потявин В.М. Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1 / Сост. и ред. В.М. Потявин. Горький, 1960. С. 371–472.

Потявин 1961 – Памятка студенту-филологу, проходящему производственную практику по устному народному творчеству. (По следам собирателя А.В. Карпова) / Сост. В.М. Потявин. Горький, 1961.

Сокращения

Бессонов – Калики переходные. Сб. стихов и исследование П.А. Бессонова. М., 1861 – 1864. Т. 3.

ГАГО – Государственный архив Горьковской области.

ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области.

Якушкин – Русские народные песни, собранные П.И. Якушкиным. СПб., 1860.

Ю.М. ШЕВАРЕНКОВА

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ЖИТИЕ СЕРАФИМА САРОВСКОГО¹

«Серафим Саровский почти такой же святой, как Иисус Христос».

(Зап. в 2001 г. от Пелагеи Ивановны Вилковой, 1931 г.р., д. Вилки Вознесенского р-на; dvc 015²).

В галерее нижегородских общецерковных и местночтимых святых, новомучеников за веру, монастырских стариц и деревенских старцев особое место занимает фигура Серафима Саровского (1759 – 1833). Популярность его личности обусловлена не только тем, что в селе Дивеево Нижегородской обл. (Дивеевский р-н) находится женский монастырь, выросший из небольшой мельничной общинки, организованной Серафимом Саровским, не только гордостью за «своего», местного святого, прославившегося на всю Россию и даже весь мир, но и особым трепетным отношением к «батюшке Серафимушке» – помогающему во всех бедах старичку «сгорбленному такому, с сумочкой и с палочкой» [Шеваренкова 2004, 99], как будто сошедшему с типовой домашней иконки.

Первое «Житие Преподобного Серафима Саровского» было написано в середине XIX в., более чем за полвека до официальной канонизации святого [Елагин 1863]. Чуть позже вышло еще несколько более или менее полных вариантов его жития [Дмитриев 1903; Денисов 1904; Поселянин 1908], а также «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» Леонида Чичагова, большая часть которой отдана детальному исследованию биографии Серафима Саровского [Чичагов 1896]. Сейчас житие святого растиражировано в многочисленных церковных и популярных изданиях.

Любое житие – неизменный канонический текст, предлагающий идеализированный и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента России (№ МК-3086.2004.6).

² Используемые в статье материалы получены в ходе совместных экспедиций «Фонда Св. Франсиска и Св. Серафима» (Кембридж) и ННГУ (2001 – 2002 гг.). Все цитируемые материалы хранятся в Центре фольклора филологического факультета. Принятые обозначения: ac – цифровая аудиокассета, dvc – цифровая видеозапись, аудиозапись – запись, сделанная на обычный диктофон (без нумерации кассеты).